

средневековья, вводит в научный оборот новый интересный материал и создает необходимый плацдарм для будущих исследований. Изложенная в монографии С. И. Пеняка целостная концепция, несомненно, привлечет внимание специалистов, занимающихся историей Закарпатья.

В. Б. Перхавко

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы/Отв. ред. Токарев С. А. М.: Наука, 1981, 184 с.

Трудно переоценить важность изучения современных этнонациональных процессов. В старой Европе они имеют целый ряд характерных особенностей, и появление сборника, посвященного им, как нельзя более своевременно. Книга написана специалистами из Сектора народов зарубежной Европы Института этнографии АН СССР, выпустившего уже десятилетие тому назад сборник по сходным проблемам¹ и посвятившего его С. А. Токареву, который ныне выступил как ответственный редактор рецензируемого издания.

Во введении изложены основные теоретические принципы сборника и указана его основная тема — национальные движения. Они, разумеется, вырастают из этнических процессов, обусловленных процессами социально-экономическими. Национальные движения, вплетаясь в ткань социальной истории, нередко осложняют и даже затемняют ее классовую сущность, как отмечается во введении. Так неоднократно бывало и в странах Европы, где национальные движения последних 200 лет способствовали созданию ряда национальных государств. Процессы этого рода представляют собой одну из трех тенденций этнических движений, которые выделяются во введении. Две другие — борьба за родной язык и за самобытную культуру. Отмечена неизбежность двуязычия у малых народов и его положительная роль в языковой интеграции. Движение за самобытную культуру рассматривается как безусловное благо, в частности для культурного взаимовлияния народов. Во многих случаях это действительно так, но в иных может способствовать их разобщению. Вообще же все эти три безусловно важные тенденции действуют в едином комплексе, и аксиологические оценки их не могут быть всегда однозначными, как и оценки тех или иных национальных движений, которые должны рассматриваться конкретно, что особенно важно в наше время, время так называемого «этнического возрождения».

Разумеется, нынешние этнические процессы и национальные движения нельзя понять, не зная их исторических корней, но современная специфика этих процессов и движений обусловлена их глобальным характером, воздействием на них научно-технической революции. Решить эту проблему достаточно сложно, но поставить ее было бы уместно во введении к сборнику, название которого начинается со слова «Современные». Между тем она не поставлена, и авторы почти всех статей, видимо, не считали своей задачей ее разработку.

Три статьи сборника посвящены народам Британских островов. В статье И. Н. Гроздовой «Шотландцы. Тенденции этнического развития» обстоятельно разбирается этническая и этнокультурная история шотландского народа начиная со средневековья. Шотландцы практически перешли на английский язык, на котором начиная с XVIII в., часто на шотландские же темы, писали выдающиеся писатели-шотландцы, вошедшие в английскую, европейскую, мировую литературу. Самый известный из них, пожалуй, Вальтер Скотт. Джеймс Макферсон, автор «Песен Оссiana», представляющих собою стилизацию под народные сказания, а вернее литературную мистификацию, оказал большое влияние на европейский романтизм, культивировавший национальные традиции, способствовал даже возникновению европейской этнографии и фольклористики. Сходным образом повлиял Оссиан и на художественное сознание России².

В статье подчеркивается, что шотландская культура продолжает развиваться на английском языке и «до сих пор среди шотландцев высоко развито национальное самосознание» (с. 30). Точнее, вероятно, это самосознание в последний период усилилось. Автор прослеживает историю национального движения и националистических организаций в Шотландии начиная с XVIII в. Подчеркнута их особая активизация после второй мировой войны, связанная с упадком старых, «классических» отраслей промышленности и с малым развитием современной индустрии. Отмечен и стимул, полученный националистическим движением в связи с добычей нефти у берегов Шотландии. Жаль

¹ Этнические процессы в странах зарубежной Европы. М.: Наука, 1970.

² Гольдберг М. Я. Рецензия на кн.: Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе (конец XVIII — первая треть XIX века). Л., 1980. — Сов. этнография, 1982, № 5, с. 148—150.

только, что не получила полного освещения борьба за «деволюцию» (практически за политическую автономию), развертывавшаяся в Великобритании; новейшим ее этапом были референдумы последних лет.

Языковая ситуация в Ирландии — тема статьи А. П. Павленко, — представляет собою характерный и существенный для проблематики сборника сюжет. Статья показывает насильственное подавление ирландского языка в первые века английского господства. Язык этот уже в XIX в. был практически вытеснен английским на всем острове, за исключением некоторых западных районов. В этом процессе немалую роль сыграла эмиграция — временная и постоянная — множества ирландцев в Англию. С конца XIX в., отмечается в статье, начинается организованное движение за возрождение национальной культуры и языка, так называемое «Ирландское возрождение»³.

С 20-х годов нашего века после образования Ирландского свободного государства (имевшего статус доминиона), усилия возродить ирландский язык и ввести в стране двуязычие предпринимаются и на правительственном уровне, но, как показано в статье, дают мизерные результаты. Вызывает поэтому удивление «гимн» жизнеспособности ирландского языка (с. 43—44), что противоречит как предшествующему тексту, так и непосредственно следующему, заключительному абзацу. Автор привел в начале своей статьи, но недостаточно использовал мысль Ф. Эннелса, что чем больше ирландцы усваивали английский язык и забывали свой, тем больше становились ирландцами⁴. С феноменом сохранения и усиления национального самосознания при потере национального языка у шотландцев читатели уже познакомились. Ирландцы дают гораздо более яркий и драматичный его пример.

Этнические судьбы отторгнутой от Ирландии в первые десятилетия нашего века ее северной части освещены в статье И. Н. Гроздовой «Национальный аспект ольстерской проблемы». В ней подробно разбирается история населения этого края, особенно в средние века. Помимо коренных обитателей — ирландцев здесь живут ныне потомки переселившихся в этот район на протяжении веков шотландцев и англичан. Как известно, первые в конфессиональных отношениях относятся к католикам, вторые и третьи — к протестантам, и это разделение издавна используется английскими властями. О глубине разрыва свидетельствует то обстоятельство, что межконфессиональные браки в Ольстере — редкость (с. 65). При этом шотландцы, как правило, пресвитериане, англичане же примыкают к англиканству.

В статье показана дискриминация католиков в экономической, социальной, политической жизни; соперничество за рабочие места принимает форму вероисповедной розни. Особенно описаны жилища, обычаи, праздники указанных групп населения, в числе последних и день «битвы на Бойне» 12 июля, сопровождающийся оранжистскими парадами и антикатолическими погромами.

Автор считает, что население Ольстера делится на три *этнические* группы: ирландцев, шотландцев и англичан, среди которых ирландцы составляют большинство. При этом он опирается на статистику вероисповедного разделения (с. 62). Однако тезис о трех группах населения Ольстера вызывает сомнения. Едва ли в накаленной обстановке межконфессиональной вражды, которая господствует в Ольстере XX в., этнокультурные особенности потомков шотландцев и англичан могли сохранить существенное значение, особенно для их самосознания. Повторим, что речь идет о *потомках* двух народов, и тенденция к их объединению, по словам самого автора, появилась в конце XVIII в. (с. 62). Так называемые «шотландо-ирландцы» (Scotch-Irish), переселившиеся в Америку в XVIII в. (об этой эмиграции в статье упоминается), считали и называли себя там ирландцами, пока в середине XIX в., опасаясь отождествления с массами нищих ирландцев-католиков, хлынувших в ту пору в Новый Свет, и потери в связи с этим социального престижа, не стали подчеркивать свое шотландское происхождение. В самом Ольстере, прожив там сотни лет, потомки англичан и шотландцев не могли сохранить тождество с этносами, из которых вышли их предки.

К сожалению, современным трагическим противоречиям Ольстера, где вооруженная борьба идет второе десятилетие, противоречиям, связанным с исторической проблемой объединения Ирландии, в тексте уделено мало места.

В статье М. И. Решиной «К истории развития фризского движения в Нидерландах» излагается история древнего народа, большая часть которого живет ныне в Голландии; численность его, как свидетельствуют приводимые в статье цифры (с. 77), в XX в. сокращается. Автор показывает, что фризское национальное движение, прошедшее долгий путь, в послевоенный период активизировалось и добилось распространения двуязычия, которое введено, в частности, во многих учебных заведениях. Отмечен отток населения, главным образом молодежи, из Фрисландии, экономически отсталой области Нидерландов, в другие районы страны и за ее границы. Социальный анализ фризского движения, к сожалению, в статье не дается. В статье Л. В. Покровской «Бретонцы (К вопросу о национальном возрождении)» так называемое бретонское возрождение сразу ставится на реальную почву «послевоенной перестройки экономики» и «глубокой ломки социально-экономических и политических структур» во Франции (с. 104). Далее отмечается одновременная вспышка национальных движений и на других национальных окраинах этой страны (Пиреней, Корсика, Окситания и т. д. — с. 115).

³ Люди и стремления ирландского возрождения в начале XX в. рельефно изображены Дж. Джойсом в «Дублинцах» (новелла «Мертвые»).

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 523.

Проведенный в статье обзор этнокультурной истории Бретани и анализ ее современного положения показывает, что бретонским языком ныне пользуется одна треть жителей Бретани, которые двуязычны. В общественной жизни язык этот применяется мало (с. 107). Бретонский язык стал «символом национальной культуры» (с. 126). Это — часть очень важного (не для одной Бретани) вывода, согласно которому «культура, утратившая бытовые функции, приобрела функции этнические, эстетические, стала символом обострившегося национального самосознания» (с. 112). Новую жизнь бретонской традиционной культуры автор справедливо считает «образом бытования „вторичной“ формы культуры» (с. 126).

Этнокультурные перемены в Бретани выводятся в статье из процессов экономических и социальных. Для этого традиционно крестьянского края особое значение имело вытеснение в последние десятилетия мелких хозяйств крупными капиталистическими, создание агропромышленных комплексов. Этот процесс в той или иной мере наблюдается во всей Франции, что дало некоторым французским историкам основание говорить об индустриальной революции в сельском хозяйстве и об исчезновении крестьянства. Разорение приводит к уходу в города крестьян, особенно крестьянской молодежи, к ускорению миграций, как внутренних, так и внешних, впрочем давно характерных для Бретани. Нельзя только согласиться с мнением автора, считающего миграции «социальным недугом» (с. 119). Миграции — закономерный исторический процесс, свойственный всей истории человечества, — разумеется с соответствующими формационными изменениями, — и вряд ли стоит становиться при их оценке на «областническую» точку зрения.

В статье уделено должное внимание классовому и политическому размежеванию и социальной базе бретонских национальных организаций. В 30-х годах нашего века некоторые из них имели профшистский характер, а в годы второй мировой войны бретонские сепаратисты сотрудничали с гитлеровскими оккупантами (с. 114, 115). В настоящее время крайне правые бретонские националисты вступили на путь терроризма (с. 123, 124). Заканчивая статью, автор с полным основанием подчеркивает связь перемен этнонациональной ситуации в Бретани с научно-технической революцией.

Статья о швейцарцах, написанная Н. М. Листой, так же как и ее статья в упомянутом выше сборнике 1970 г., уже самим своим названием — «К вопросу о формировании швейцарской национальной общности» — ставит вопрос по-новому. Видимо, изучение проблемы за 11 лет, отделяющих один сборник от другого, привело автора к мысли, что общность швейцарцев имеет большее значение, чем их различия.

Развитие швейцарской культурной общности, отмечается в статье, идет и через нивелировку национальных и региональных различий, и путем распространения элементов культуры за пределы их изначальной области, причем эти элементы порой становятся символом общешвейцарской общности (с. 135).

Реформация, вообще сопряженная с возникновением европейских наций и имевшая на швейцарских землях важные свои очаги, способствовала культурной и этнической самобытности народов Швейцарии, их обособлению от общих с ними по языку народов соседних государств. Так, швейцарский диалект немецкого языка не только сохранился в быту, но продолжает культивироваться вплоть до наших дней и ныне имеет свою литературную форму (с. 153).

Широко распространенное в стране двуязычие является и результатом, и средством широких межэтнических контактов. При этом единого языка-посредника (вроде «лингва-жержал») нет, и в зависимости от ситуации им становится любой из бытующих в Швейцарии языков. Число межэтнических браков растет, особенно часто они заключаются в крупных городах, а также в этнически пограничных зонах (с. 159). Характерна стойкость кантональных общностей, сознание принадлежности к которым может оказаться чуть ли не сильнее чувства этнической принадлежности (с. 156).

В статье уделено значительное внимание иммиграции, породившей во всей современной Западной Европе новый тип этнических процессов. Для Швейцарии иммиграция, составляющая 14—15% населения (с. 161), особенно важна. Если в прошлом Швейцария была по преимуществу страной эмиграции, то в современный период стала одной из главных принимающих иммигрантов европейских стран. Большая часть швейцарских иммигрантов — итальянцы, главным образом с юга Италии. Селятся они обычно не по принципу языковой близости к местному населению, а там, где могут найти работу, чаще всего в промышленных районах Немецкой и Французской Швейцарии, куда, кстати, направлены и внутренние миграции из горных районов. Тяготы нынешнего экономического кризиса вынуждены нести прежде всего иностранные рабочие. Статья касается их дискриминации, а также ксенофобии, возбуждаемой против них реакционными кругами.

В заключительной части статьи автор констатирует усиливающуюся тенденцию к сближению этнических и региональных общностей Швейцарии. Явно выраженное общешвейцарское самосознание (развивающееся, по-видимому, на базе общей исторической судьбы, совместного исторического опыта), общность многих черт культуры позволяет автору высказать предположение о сложении в Швейцарии метаэтнической общности и о формировании швейцарской нации.

Последняя статья — работа А. Н. Кожановского «Этнические процессы в Каталонии (60—70-е годы XX века)» единственная в сборнике посвящена именно современности. В ней наиболее серьезно и основательно анализируются вопросы этнической и культурной ассимиляции. Отправная база исследования — большие экономические перемены, происходившие в испанской экономике в конце 50-х — начале 60-х годов нашего века. Механизация сельского хозяйства, подрыв традиционного крестьянского быта привели, пишет автор, к «забвению обрядов и фольклора» и вытеснению их городскими развле-

чениями (с. 172). Вызывает некоторое сомнение категоричность этого утверждения. Неужели такая резкая перемена могла произойти за столь короткий срок?

Во всяком случае, огромный темп урбанизации сомнению не подлежит, и особенно притягательной для сельских мигрантов оказалась Каталония — одна из наиболее экономически развитых частей Испании, которая представляет собой основную этническую территорию каталонского народа, обладающего особым языком и развитой культурой. В статье дается обзор этнокультурной ситуации в Каталонии с учетом социальной стратификации каталонцев.

Среди мигрантов, хлынувших в Каталонию, автор прежде всего выделяет массы испаноязычных выходцев из сельского хозяйства отсталых южных провинций Испании. Они подвергались ассимиляции каталонцами, воспринимали каталонский язык и культуру. Интересно замечание о психологической подготовке к урбанизации, которую давали сельским мигрантам сложившиеся еще у них в деревне «городские чаяния» (с. 174). Низкий культурный уровень сельских южан, оставшихся в стороне от профессиональной кастильской культуры, сделал для них каталонскую культуру олицетворением культурных достижений вообще. Подобные явления наблюдаются иногда в других странах и на иных континентах. Сравнительное изучение этих явлений способствует выяснению общей проблемы стимулов ассимиляции.

Сопоставляя мигрантов, оседавших в каталонских деревнях в качестве батраков и тех, которые осели в городах, автор делает вывод, что «интенсивность их ассимиляции убывала от сельской местности к столице провинции» (с. 179). Такое заключение не согласуется с мировым опытом миграций. Быть может, относительно малый срок наблюдаемых процессов ведет к переоценке последствий профессиональной и жилищной изоляции для городских мигрантов. Сам автор несколько ниже замечает: «Правда, со временем начинало сказываться размывающее действие новых условий жизни» (с. 179) и справедливо подчеркивает связь ассимиляции «с урбанизацией, с изменением социальной роли бывших крестьян и членов их семей» (с. 179). В статье констатируются серьезные перемены, внесенные каталонским городом в семью сельских мигрантов.

Ассимиляция облегчала социальную мобильность переселенцев, и это служило стимулом для первой. Существенным фактором ее послужили и смешанные браки, составлявшие в Барселоне 20 лет назад четверть всех браков, а позже и еще большую часть (с. 176).

Каталонские города испытали также приток сельских мигрантов как из самой Каталонии, так и из соседних каталаноязычных областей (Валенсия, Балеарские острова). Урбанизация этих переселенцев происходила легче, чем у южан, как из-за отсутствия языкового барьера, так и из-за более высокого культурного уровня и усиливала позицию каталонской культуры. Покинутые переселенцами в сельском хозяйстве «каталонского ареала» места были заняты батраками испанского Юга. Отмеченная автором «тенденция к совпадению этнического и социального деления» (с. 182), встречающаяся столь часто, вызвала в Валенсии «вторичную каталанизацию» имущих слоев, прежде тяготевших к испанскому языку: в присутствии массы испаноязычных батраков каталанский язык стал более престижным.

Автор отмечает также взаимосвязь этнических процессов и политических изменений, таких, как приобретение Каталонией автономии, областническое движение (например, в Андалузии) и т. д.

Сборник выиграл бы, если бы к каждой статье были приложены карты. Проблемы миграций, как внутренних, так и внешних, и их воздействия на этнические процессы разрабатываются в некоторых статьях сборника (Каталония, Швейцария) и затрагиваются в других, но в современную эпоху они заслуживают весьма серьезного внимания этнографов-европеистов. Ряд развитых европейских государств принял массы иммигрантов из других стран, с других материков, что обусловило возникновение этнических, этнорасовых, этносоциальных проблем. Южноевропейские страны (Испания, Италия, Греция, Югославия) выделили множество эмигрантов. Вызванные всеми этими передвижениями новые процессы характерны для современности и нуждаются в исследовании. Заслуживает изучения и вопрос об этнокультурном влиянии международного туризма (упоминающегося в сборнике), который столь зажат для Южной Европы.

Рецензируемое издание, разумеется, не могло охватить ни все страны Западной Европы, ни все происходящие в них ныне этнические процессы. Но рассмотренные в нем народы, этнические и этнокультурные перемены, межэтнические связи, новейшие тенденции всех этих процессов представляют большой интерес. Анализ их произведен на добротной исторической основе и дает современному читателю очень много ценного.

Ш. А. Богина

* * *

КЕЛЬТЫ — ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Рецензируемый сборник можно считать как бы продолжением сборника «Этнические процессы в странах зарубежной Европы», вышедшего в 1970 г. Прошедшие годы, как отмечено во введении, «насыщены добросовестными исследованиями этнических